

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ю. В. Кнышенко. История первобытного общества. Ростов-на-Дону, 1973, 342 стр.

Рецензируемая книга — курс лекций, читаемых автором в Ростовском государственном университете. Это — второе, переработанное и значительно расширенное издание первой части учебного пособия «История первобытного общества и основы этнографии», вышедшего в 1965 г. Предпринятое переиздание позволило не только полнее рассмотреть проблематику первобытной истории, но и глубже ее исследовать, подняв тем самым учебное пособие до уровня серьезного научного труда.

В 20 лекциях курса Ю. В. Кнышенко освещены почти все основные явления первобытной истории и соответственно разделы изучающей ее науки. В них характеризуются предмет и значение истории первобытного общества, историография и источниковедение, хронология и периодизация, антропо- и расогенез, происхождение языка и мышления. Около половины курса посвящено характеристике основных этапов первобытности и процессов образования классового общества, в последних лекциях рассматриваются происхождение и ранние формы религии, происхождение искусства. Следуя вузовской программе, автор не выделяет особо такие вопросы, как этнические процессы первобытности или развитие положительных значений, но и эти сюжеты не остаются не освещенными, так как о них попутно говорится в тех или иных лекциях.

Существенная черта книги Ю. В. Кнышенко — последовательное применение в ней марксистско-ленинской методологии и чуждое академическому бесстрастию изложение материала. В вводной лекции хорошо показано мировоззренческое значение первобытной истории, в историографической лекции — общая несостоятельность буржуазной теоретической мысли в области этнографии и истории первобытного общества, в лекциях по антропо- и расогенезу — реакционность еще существующих в этой области науки расистских взглядов. В других лекциях также критикуются и разоблачаются различные положения буржуазной науки по конкретным вопросам происхождения семьи, частной собственности, религии, искусства и т. д. Все это, разумеется, заметно поднимает идейно-теоретический уровень книги. Вместе с тем следует отметить, что автор допускает некоторую односторонность, обходя молчанием положительный вклад, который внесли те или иные буржуазные школы в развитие первобытно-исторической науки. Так, едва ли можно отрицать, что диффузионисты сыграли свою роль в формировании наших представлений о конкретно-исторической вариантности единого исторического процесса, а функционалисты оставили след в развитии системных исследований. Признание определенных, в том числе и теоретических достижений буржуазной науки вовсе не умаляет решающего значения марксистской методологии для развития науки первобытной истории.

Важно отметить и то обстоятельство, что курс лекций Ю. В. Кнышенко в целом отвечает требованиям современной советской науки. Хотя при подготовке такого курса всегда имеются значительные трудности, связанные с недостаточностью археологических данных и сложностью использования этнографических материалов, книга построена методически удачно. Характеризуя основные этапы первобытной истории, автор широко привлекает как новейшие данные археологии и антропологии, так и стадияльно сопоставимые с ними данные этнографии. Отметим также, что автор, как правило, не избегает наиболее сложных, остающихся предметом споров вопросов первобытной истории и в ряде случаев предлагает собственные решения этих вопросов. Впрочем, некоторые из таких проблем, к сожалению, освещены все же недостаточно. Таковы, например, проблемы исторического соотношения группового и парного брака, рода и общины.

Книга читается с интересом. Она не только написана хорошим языком, но и изобилует свежими, не вошедшими в другие обобщающие работы этнографическими примерами, почерпнутыми из обширной историко-этнографической и географической литературы. В то же время число таких примеров не избыточно, в их подборе соблюдено столь важное в подобных случаях чувство меры.

Разумеется, в книге есть и недостатки. Одни из них неизбежно обусловлены слабой разработанностью ряда важных вопросов истории первобытного общества, но некоторых можно было избежать. Остановимся на двух из них, представляющих нам наиболее существенными.

С 1946 г., когда С. П. Толстов предложил существенно уточнить моргановскую периодизацию первобытной истории, и до настоящего времени в советской и зарубежной марксистской науке создано не менее полдюжины вариантов новой периодизации, различающихся между собой критерием членения исторического процесса первобытности, числом выделенных периодов и их наименованием¹. Так как ни один из них пока не получил сколько-нибудь широкого признания, у Ю. В. Кнышенко были все основания предложить еще один вариант. Он предлагает следующую схему: 1 — первобытное стадо, 2 — материнский род и 3 — патриархат с подразделением последнего периода на подпериоды: а — отцовского рода и б — соседской общины. При этом делаются две оговорки: во-первых, термин «патриархат» следует понимать расширительно и, во-вторых, «своеобразие» третьего периода состоит в том, что отцовский род не является универсально-исторической общественной формой. Не все первобытные народы, перешагнувшие порог классового общества, пережили этот этап. В тех случаях, когда соседская община непосредственно вырастает из материнского рода, понятия «матриархат» и «соседская община совпадают» (стр. 56). Хотя ни здесь, ни далее автор не поясняет, в чем именно заключается «расширительное понимание» патриархата, из контекста можно заключить, что имеется в виду не отцовско-родовой строй и не его поздние формы периода распада, а скорее всего любая такая организация, которая характеризуется безраздельной властью отца семейства, патриарха. Однако даже эта форма патриархата не была универсальной: работами А. М. Золотарева и С. П. Толстова показано, что наряду с ней существовал и позднематеринский, матриархальный путь разложения родового строя. А если это так, то и само предложенное Ю. В. Кнышенко наименование заключительного периода первобытной истории приходится признавать неудачным. Заметим, кстати, что схема, в принципе близкая к рассмотренной (эпохи первобытного стада и родового строя с подразделением последней на периоды матриархата и патриархата), была в свое время предложена и вскоре оставлена М. О. Косвен².

Вызывает сожаление и то обстоятельство, что автор в ряде случаев излишне категоричен в своем толковании того или иного явления первобытности или его реликта. Так, левират однозначно рассматривается как пережиток группового брака (стр. 173), хотя уже не раз отмечалось, что этот обычай может быть полностью объяснен порядками, характерными для патриархальной семьи. В том же плане и так же однозначно трактуются обычай избегания по отношению к определенным категориям свойственников (стр. 174), хотя они могут быть объяснены изменением формы не брака, а локализации брачного поселения, т. е. переходом от матрилокальности к патрилокальности. Трудно согласиться с характеристикой патронимии как «группы близкородственных малых семей» (стр. 246): хорошо известно, что в состав патронимий, как правило, входили не только малые, но и большие семьи.

Очевидно, что отмеченные и им подобные недочеты и промахи не могут существенно повлиять на высокую оценку рецензируемой работы. Ю. В. Кнышенко написал содержательную и ценную книгу, которую с интересом встретят не только студенты исторических факультетов, но и значительно более широкий круг читателей, в том числе специалисты-историки.

А. И. Першиц

¹ Подробнее об этом см.: Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории, Сб. «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972, стр. 32 сл.

² М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 152.

А. Т. Базиев, М. И. Исаев. Язык и нация, М., 1973, 248 стр.

Среди пограничных научных проблем, разрабатываемых в последнее время советскими учеными, важное теоретическое и практическое значение, несомненно, имеют проблемы, расположенные на стыке языкознания с этнографией и социологией. Именно к этой области относится книга А. Т. Базиева и М. И. Исаева «Язык и нация».

Рецензируемая работа состоит из шести глав. В первой из них, «Общество и язык», рассматривается вопрос о происхождении языка как общественного явления, о появлении в ходе истории множества языков мира; главное внимание при этом уделяется характеристике языков, на которых говорят народы СССР. Во второй главе, «Национальное развитие народов и язык», характеризуется важная роль языкового признака для научного определения нации и отмечается видное место языка в национальной политике некоторых стран мира; особое внимание при этом опять-таки уделено различным языковым проблемам, возникшим в связи с национально-государ-